

САМИЗДАТ ВЕКА: ЕВГЕНИЙ КРОПИВНИЦКИЙ

№10 1996

Известный публицист Анатолий Стреляный задумал несколько лет назад грандиозную двадцатитомную серию антологий "Итоги XX века". Уже вышли "Строфы века", "Сказки века", "Фантастика века". А сейчас готовится том "Самиздат века", в который войдут неподцензурная поэзия, проза, мемуарно-публицистическая эссеистика, рассказывающая о всевозможных независимых изданиях, о преследованиях неофициальных писателей, о группах, кружках, квартирных выставках, квартирном искусстве и т.д.

Поэтическую часть тома составляет Генрих Сапгир. - Я уже отобрал около двухсот поэтов, - сказал он в беседе с корреспондентом "Цирка Олимп". - Разбил их по школам, по годам, по десятилетиям. Я постарался нарисовать картину неофициальной русской поэзии второй половины XX века. От середины 50-х, то есть от "лианозовцев" и "группы Черток", до конца 80-х, когда практически все стали издаваться вполне официально, и самиздат несколько выдохся. О тех, кого я знал, я написал короткие эссе, портреты. А помогает мне в составлении, ведет научную часть критик Владислав Кулаков. Фрагменты готовящейся антологии Генрих Сапгир любезно предложил нашему изданию, и мы с удовольствием публикуем их. Кирилл Мефодиев

1. ЛИАНОЗОВСКАЯ ГРУППА

1.1. Евгений Кропивницкий

С середины тридцатых, как я понимаю, Евгений Кропивницкий занимался настоящим самиздатом. Свои свежие, написанные с натуры, стихи он переписывал, как художник, каждая буква отдельно, в тетрадки, которые затем переплетал, раскрашивал или обтягивал обложку цветным ситчиком.

С середины сороковых, когда я познакомился с этим удивительным человеком и философом, эти книжечки я уже застал во множестве - самые разные и все эстетичные. Многие из них дарились нам - ученикам. Несколько книжек у меня сохранились до сей поры.

Никакой машинки тогда не было и в помине. Книжки были посему уникальны и, главное, автора нельзя было привлечь за распространение нелегальной литературы. С этим тогда было строго. Но мы были беспечны и легкомысленны - по молодости.

Вот они, глядят на меня, образцы первого самиздата: некоторые раскрашены акварелью или темперой, как абстрактные картины в миниатюре, каковыми, как я теперь понимаю, они и являлись.

Евгений Леонидович жил тогда в районном центре недалеко от Дмитровского шоссе над долгими старинными прудами. Помню на горке, на той стороне белую классическую церковь с башенкой в колоннах, водруженной на круглом зеленом куполе. Рядом был старый парк. Хотя в райцентре был еще какой-то дом отдыха и контора, бывшее имение и парк принадлежали нам. Хозяин брал этюдник и картонку, я - книжечку его стихов или другого поэта. И высокие сосны, темный орешник оглашались строками совсем непопозволительного тогда содержания: про жителей барака, про их любовь, беды и смерти. Но мимоходящие бабы или пьяный парень, если и слышали что, то в голову им не приходило донести на нас куда следует. Между тем, хозяин писал этюд. Иногда нас было несколько человек, то есть группа, среди прочих - солнечная девушка Милитриса, в которую все мы были влюблены. И сам маэстро тоже. Он переписал и переплел ее стихи в синюю полосато-серебристую материю. Переплел и мои стихи, и раскрасил ало и пламенно.

Я помню, как особо дорожил он перепечатанной на машинке своей книгой стихов. 4 экземпляра - это уже был тираж, это было достижение. И только за несколько дней до смерти поэт увидел, наконец, свою первую книгу стихов "ПЕЧАЛЬНО УЛЫБНУТЬСЯ", изданную в Париже в издательстве "Третья волна". Доставила ли она ему удовольствие, не знаю. Мне он одну подарил, во всяком случае. Аккуратно карандашом - в предисловии - он вместо фамилии Кандинского, которого будто бы любил, вписал Врубеля и Борисова-Мусатова. А эпизод, где он якобы кричал и сердился на начальство, зачеркнул и написал: "На это я не способен". Так и

свою первую опубликованную книжку стихов он сделал тоже рукотворной.
Генрих Сапгир

Опять снежок посыпал
За матовым окном.

Я стою печальный у сараев
И стихи печальные пою.
Караул! Художник Замараев
Не одобрил живопись мою!
1973

НАДПИСЬ НА ЗАБОРЕ

Не лейте, черти полосатые,
Помойку делать здесь не смейте,
Противно на нее глядеть,
Не лейте, черти полосатые:
На вас чертей зело досаду:
Здесь люди ходят, люди ведь!
Не лейте, черти полосатые,
Помойку делать здесь не смейте!

НА СМЕРТЬ ЛОШАКОВА
- Кого это хоронят?
- Это помер Лошаков
шестидесяти пяти лет

Какой-то помер Лошаков...
На протяжении веков
Миллиарды были и ушли...
Куда ушли? Зачем ушли?

Сих Лошаковых гибель, тьма,
От них земная кутерьма,
На протяжении веков
Миллиард миллиардов лошаков.

Но стучал неизбежный миг -
И Лошаков ногами дрыг...
Никто не знает ничего,
Зачем все это, для чего?
1973

Его поймали и лупили
На перекрестке у ворот.
И кто они такие были,
Зачем словили и избили
На перекрестке у ворот?

А та, которая встречалась
На перекрестке у ворот,
Та, что ему в ночи отдалась,
Теперь от смеха содрогалась
На перекрестке у ворот.
1945

ЖЕРТВА ТРАНСПОРТА

Был он юный и влюбленный,
Подарил ей нитку бус.
Ярким солнцем упоенный
Он попал под автобус.

Говорили: как попал он?! -
И росла, росла толпа...
Окровавленный лежал он
У трамвайного столба.
1944

ВЕЩИ

Вещи прячутся, бывает,
Ищешь, ищешь - не найдешь.
Все вокруг переберешь -
Нету вещи, как растает.

Но проходит день, другой -
Смотришь - вещь лежит на месте.
А ведь ты искал раз двести
В этом месте, дорогой!
1939

Сосед мальчишке всыпал,
Как водится, ремнем.

И вот орет мальчишка,
Орет, орет, орет...
А за окошком - ишь как
Метелица метет.
1946

Грабли, вилы и лопаты,
Самогонный жбан.
Бородат мужик патлатый
Сидоров Иван.

Говорит мужик патлатый
Сидоров Иван:
"Прибери-ка, Дунь, лопату,
Грабли, вилы, жбан!"

Прибрала она лопату,
Грабли, вилы, жбан.
Спать залег мужик патлатый
Сидоров Иван.
1945

Приходил художник Замараев,
Не одобрил живопись мою...
И стою один я у сараев,
И стихи печальные пою.

Поглядел художник Замараев
И нашел, что все совсем не так.
Объяснял мне долго Замараев,
Что писать мне следует и как.

Мне очень нравится, когда
Тепло и сыро. И когда
Лист прело пахнет. И когда
Даль в сизой дымке. И когда
Так грустно, тихо. И когда
Все словно медлит. И когда
Везде туман, везде вода.
1940

ХВОРЬ

Гриппы и ангины,
И туберкулез;
Ноют ноги, спины;
Боль костей, желез!

Сифилис постылый!!
Неужели рак?!
Господи помилуй,
Менингит никак!!
29 декабря 1951

ДЕТСТВО

На палке пугало торчит,
Пугая воробьев.
Малинник спит и сторож спит -
Геннадий Воробьев.

Рогожа старая - шалаш -
В нем сторож Воробьев.
Как хорошо: малинник наш -
И наш, и воробьев.
1940

Е. Кропивницкий 1977

-ПРИЯТЕЛИ-

